

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев (сост. и ред.), А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова (ред.). Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с., илл. (Разумное поведение и язык) [A. A. Kibrik, A. D. Koshelev (comps. and eds.), A. V. Kravchenko, Yu. V. Mazurova, O. V. Fedorova (eds.). *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: Contemporary cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. 848 p., ill. (Language and Reasoning)] ISBN 978-5-9906039-9-8.

**Ирина Германовна Овчинникова^{a, б},
Татьяна Васильевна Ахутина^{б, @}**

**Irina G. Ovchinnikova^{a, б},
Tatyana V. Akhutina^{б, @}**

^a Хайфский университет, Хайфа, 31905, Израиль;

^б Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, 614990, Российская Федерация; ^в МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация;

[@] akhutina@mail.ru

^a The University of Haifa, Haifa, 31905, Israel;

^б Perm State National Research University, Perm, 614990, Russian Federation; ^в Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; [@] akhutina@mail.ru

Сборник статей, опубликованный в серии «Разумное поведение и язык», предлагает читателю панораму взглядов и мнений специалистов по когнитивной лингвистике о соотношении языка и мышления. Появление сборника-хрестоматии на такую тему — знаменательное событие. В мировой науке когнитивная лингвистика занимает сейчас ведущие позиции, а отношение отечественных лингвистов к этому направлению пока четко не сформулировано, поскольку рамки этого направления не вполне ясны, а широта подхода препятствует основательному знакомству с ним. В этой ситуации появление рецензируемого сборника может сослужить хорошую службу, знакомя русскоязычных читателей с основными идеями когнитивной лингвистики, разрабатываемыми в мировой и отечественной науке.

Композиция книги отражает разграничение хранения (off-line) и использования (on-line) языка. Это противопоставление близко к прослеживаемому с середины прошлого столетия разделению познавательной и коммуникативной языковых функций, а позже — к оппозиции речевого поведения и речевой компетенции (linguistic performance vs. linguistic competence). Авторы статей — российские и зарубежные лингвисты — знакомы читателям по материалам конференций в области когнитивной и компьютерной лингвистики.

Открывает сборник программная статья А. Е. Кибрика, в которой приводится обоснование когнитивного подхода к языку, необходимого для выявления когнитивных структур, стоящих за речевым высказыванием на любом из существующих языков. В сущности, все включенные в издание работы так или иначе иллюстрируют разные стадии перехода «мысль — слово — мысль» и определяют границы когнитивной лингвистики.

В истории лингвистики, даже без эпитета «когнитивная», взаимосвязь языка и мышления рассматривалась как основная философская проблема. Предлагая варианты описания взаимодействия языка и мышления или языка и сознания, ученые обращались к смежным наукам и социальным сферам: к религии в Древнем мире, к теологии в Средние века, к философии и психологии в Новое время. До XX в. при изучении взаимозависимости языка и мышления языковеды ограничивались накоплением материала (исследованием и характеристикой различных языков) и интроспекцией — экспериментом с единственным испытуемым в лице профессионального лингвиста. Эта особенность языкознания обсуждалась

в программной статье Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и принципе эксперимента в языкознании», опубликованной в 30-е гг. В своей работе, посвященной памяти замечательного лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ, академик Щерба впервые обосновал необходимость экспериментальных исследований языка и обращения к «отрицательному» языковому материалу, без чего невозможно ни охарактеризовать речевое поведение, ни выявить стадии перехода от развернутого высказывания к представлению его содержания в сознании, то есть к мысли. Один из выделенных Щербой аспектов языковых явлений — индивидуальный вариант языковой системы, конструируемый в процессе социализации и хранимый в сознании носителя языка. Индивидуальный вариант национального языка в его психологической и психофизиологической обусловленности становится едва ли не самым актуальным объектом изучения российской лингвистики во второй половине XX в. Сочетание культурно-исторической психологии Л. С. Выготского с психологическим подходом к языку, отраженным в научном наследии А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ, благодаря четкому разграничению аспектов языковых явлений и обращению ко всему многообразию речевого поведения предопределило интерес исследователей к онтогенезу речи, речевой патологии, сбоям в спонтанной речи и наивному письму. В свою очередь, нестандартный «живой» материал подтолкнул разработку экспериментальных методов.

Развитие психологии, прикладной статистики и экспериментальной фонетики во второй половине прошлого столетия открыло новые перспективы: появилась возможность верифицировать сформулированные ранее гипотезы. Возникли «пограничные» области научного лингвистического знания, такие как психолингвистика и нейролингвистика. В XXI в. все «пограничные» науки вливаются в когнитивную лингвистику. Отличительным признаком отечественной когнитивной лингвистики можно считать ее менее формализованный и более «гуманитарный» характер. В классических работах зарубежных ученых (Р. Лангакера, У. Крофта и др.) важную роль играет именно формальное представление, схематизация зависимости компонентов содержания высказывания, лексической и грамматической семантики от способов их языкового воплощения. В когнитивной характеристике дискурса А. А. Кибрика, типологии референциального выбора О. В. Федоровой и рассуждениях В. Б. Касевича о терминологии точкой отсчета оказывается человек: говорящий, слушающий, размышляющий и познающий. При таком подходе традиционного для лингвистики логического языка описания семантики и построения таксономических классификаций недостаточно. В силу алогичности наивных представлений о значении слов, являющихся базовыми в построении семантических полей в фило- и онтогенезе, и нелинейности развития значения языковых единиц сфера действия формальных описаний должна быть четко осознана и дополнена описаниями, исходящими из других принципов. Следуя идее Выготского о связи «аффекта и интеллекта», антропоцентрическая лингвистика при изучении значения слова не может не признавать большую роль его коннотативного и ассоциативного аспектов и роль метафоричности значений. Однако в сборнике мы находим текст о роли телесных метафор в построении значения (статья Л. Бородицки), и не находим текста об изучении значения слова через анализ вызываемых этим словом ассоциаций. Этим вопросом много и плодотворно занималась А. А. Залевская и ее группа. А. А. Залевская написала, пожалуй, лучший русский учебник по психолингвистике, она известный психолингвист, и нам не хотелось бы думать, что ее работа не представлена из-за проводимой границы между «старой» психолингвистикой и «новой» когнитивной лингвистикой или из-за того, что содержание работ отечественных психолингвистов освоено представителями когнитивной лингвистики достаточно фрагментарно. Скорее, можно полагать, составители сборника решили не дублировать ранее публиковавшиеся работы, но в этом решении есть свой минус.

В связи со сказанным важно отметить, что в рамках современной когнитивной лингвистики различимы и психолингвистика, и онтолингвистика, и нейролингвистика. Психолингвистические эксперименты позволяют О. В. Федоровой выявить роль внимания и функцию рабочей памяти в установлении antecedента местоимения при

референциальном выборе. В разделе о языке on-line нужно отметить статью А. А. Кибрика, посвященную анализу естественного дискурса. Это сложный объект анализа, и автор начинает его с подробного рассмотрения синтагмы, или элементарной дискурсивной единицы (ЭДЕ). Он справедливо отмечает, что ЭДЕ является фундаментальной единицей языка / речевой деятельности, которая может быть описана на физиологическом, когнитивном, семантическом, грамматическом и просодическом уровнях. Это единица смыслового и моторного (фонетического / слогового и просодического) планирования. Выделенные структурные варианты ЭДЕ рассматриваются А. А. Кибриком с точки зрения порождения речи в реальном времени: планирования, автомониторинга, активации. Читатель видит, как осуществляется процессуальный подход в лингвистике, как реально работает постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы, провозглашенный в программной статье А. Е. Кибрика.

Онтолингвистическое направление представлено в сборнике двумя статьями. В статье М. Томаселло, известного психолога, лингвиста и антрополога (см. [Томаселло 2011]), излагаются основные положения узуальной (usage-based) теории усвоения языка, согласно которой языковая структура — и уровень слов, и уровень грамматики — возникает из употребления. М. Томаселло исходит из социально-прагматического подхода к усвоению языка, позволяющего объяснить происхождение языка и его освоение без обращения к идее «врожденной универсальной грамматики». Одной из основ такого подхода является концепция статистического научения, согласно которой для выведения правил организации речи необходимо набрать солидный опыт участия в разнообразных коммуникативных актах [Aslin, Newport 2012]. Для выяснения правил большое значение имеют гештальтные принципы группировки, такие как временная последовательность и перцептивное сходство. Для установления перцептивного сходства важна перцептивная выпуклость (сенсорная яркость), заметность элемента цепи, позволяющая выделить его как фигуру из фона. Первоначально вычленяются элементы, часто встречающиеся в речевом общении окружающих и связанные с легко вычленяемыми параметрами ситуации. При этом невысокая частотность может подкрепляться перцептивной выпуклостью, привлекающей внимание к менее частотным, но выделенным функционально значимым элементам. Например, аппелятивы, прежде всего имена собственные, в коммуникации не являются частотными единицами, но их перцептивная выпуклость обеспечена невербальными компонентами коммуникативного акта: реакцией того, к кому обращаются, его готовностью к общению с тем, кто к нему обратился. Аппелятив перцептивно выделен благодаря интонационному оформлению, важности и прозрачности его функции в коммуникации. Перцептивная выпуклость, в свою очередь, служит основанием для группировки сходных элементов. Временная последовательность и перцептивное сходство определяют возможность объединять в группы элементы, которые регулярно встречаются вместе, причем по крайней мере один из совместно встречающихся элементов достаточно частотен в речевом опыте *per se* и в силу этого довольно быстро осваивается. Заметим, что похожим образом Л. В. Щерба описывал формирование представления о фонеме на основе переработки сходных образов в звуковом сегменте, репрезентирующем морфему [Щерба 1947]. В возрасте около года дети приступают к овладению языком, располагая двумя наборами когнитивных навыков, которые сформировались для обеспечения других, более общих функций, а именно навыком «чтения намерений» (intention-reading) и навыком «нахождения образов» (pattern-finding), относящихся к грамматическому измерению. Далее М. Томаселло показывает, как, используя эти навыки, ребенок осмысливает речь взрослого и строит высказывания, наполненные смыслом. Концепция Томаселло близка к идеям Выготского, недаром за ним закрепилось прозвище «американский Выготский».

В статье петербургских лингвистов М. Д. Воейковой, В. В. Казаковской и Д. Н. Сатюковой показаны существенные особенности усвоения прилагательных в отличие от усвоения существительных и глаголов. Если для появления в речи ребенка глагола или существительного необходим первичный когнитивный опыт, предполагающий построение схем

использования объекта или действия («чтение намерений» реальных действий взрослого), то для освоения прилагательных возможна опора в первую очередь на языковой опыт («чтение намерений» высказываний *Буратино хороший, Карабас плохой*) с последующим уточнением когнитивного содержания.

На традиции нейролингвистики А. Р. Лурии опираются О. В. Драгой и ее соавторы, обсуждающие сложность декодирования семантически обратимых предложений в норме и при патологии речи. Список сложных для восприятия предложений типа *Вася побит Петей* и *Я не привык не подчиняться правилам*, конструкций *брат отца*, *прогулка перед обедом* и др. был приведен в работах А. Р. Лурии (см. [Лурия 1947] и последующие). Обратимые конструкции не сводятся к этому списку, поскольку включают также такие сочетания, в которых отношения между референтами симметричны и могут быть однозначно интерпретированы только благодаря грамматическому маркеру (например, *поставит бочку на ящик / поставить ящик на бочку*). Как показывают авторы статьи, больные с семантической афазией склонны при понимании обратимых высказываний опираться на освоенные в онтогенезе сенсомоторные стереотипы и расширять границы применения таких стереотипов: например, при расшифровке пространственных конструкций обращать внимание на порядок слов, а не грамматические маркеры. На примере предложений типа *Он кладет сумку в коробку*, *Он кладет в коробку сумку* О. В. Драгой и М. Б. Бергельсон с соавторами показали, что больные понимают с меньшим числом ошибок те конструкции, где порядок упоминания имен соответствует порядку действий с предметами (*он берет сумку и кладет ее в коробку*). Опора на сенсомоторные стереотипы обнаружена и у больных с сенсорной афазией, испытывающих трудности понимания и удержания слухоречевой информации. Было бы интересно проверить, сохранится ли этот эффект при адаптированном к возможностям пациента совместном прочтении предложений (просто одновременное слуховое и визуальное предъявление при разных темпах переработки информации в разных модальностях может недостаточно помогать больному в понимании и удержании предложения в памяти). Возможность снижения этого эффекта предсказывают данные Т. В. Ахутиной [1989: 180—181]. В целом интерпретация результатов нейролингвистического исследования близка к направлению «вплощенного», или «телесного», познания (*embodied cognition*) — авторы конкретизируют представление о включенности формирования языковой способности в целостный контекст когнитивного развития индивида. Складывающиеся когнитивные схемы важны не только в ходе усвоения языка, они также могут служить источником компенсации языковой сложности и неоднозначности для постижения смысла при социальном взаимодействии и у взрослых.

Если обратить внимание на материал исследования, то можно заметить еще одну отличительную черту современной когнитивной лингвистики, отраженную в сборнике, — интерес к глаголу. Глагол и его морфология привлекли внимание представителей когнитивных наук в качестве модели для изучения хранения знаний о языке в сознании его носителя. Хранятся ли грамматические значения в памяти как маркеры единиц лексикона, как самостоятельные единицы (морфемы) или входят в состав некоторого целостного представления о грамматике языка, «врожденной универсальной грамматики»? В поисках ответа на этот вопрос исследователи обратились к данным детской речи [Bates et al. 1988; Русакова 2013], а также разработали экспериментальные методики воспроизведения глагольных словформ и образования псевдоглагольных форм по продуктивным и непродуктивным моделям [Chernigovskaya, Gor 2000; MacWhinney, Plunkett 2000]. Полученные результаты обсуждались в контексте когнитивной психологии и лингвистики, что, в свою очередь, стимулировало новые исследования глагольной семантики и морфологии. Типологическое изучение грамматики и более молодая лексико-семантическая типология выработали надежные ориентиры и язык описания различных аспектов глагольной семантики на основе параметров движения или состояния, потенциальных участников действия и его завершенности [Рахилина, Плунгян 2007; Croft 2012]. В последнее десятилетие интерес к глаголу обусловлен бурным развитием компьютерной и корпусной лингвистики. При переработке

текстовых массивов, поиске информации, извлечении данных о событиях необходимы ключи перехода от структуры события к вербальной синтаксической структуре и обратно. Одним из ключей является глагольная лексема. Таким образом, глагол остается в центре внимания психолингвистов уже добрую четверть века, см. [Bowerman 2004; Русакова, Сай 2008; Русакова 2013; Slioussar, Chuprina 2015]. Благодаря обращению к проведенным экспериментам мы имеем представление о том, каким образом переживаются различные глагольные категории носителями языка и какие из признаков глагольной словоформы релевантны для ее хранения и извлечения из памяти.

В сборнике «Язык и мысль» опубликовано несколько статей, касающихся исследований глагола и его категорий. В работе Л. А. Янда приводится расширение глагольной типологии У. Крофта с учетом особенностей русских глаголов. Крофтовская типология глаголов основана на типологии З. Вендлера, в которой разграничиваются достижения, состояния, действия и свершения. Крофт выстраивает семантическую классификацию глаголов как номинаций событий разной степени однородности, направленности и завершенности [Croft 2012]. Такой подход позволяет Крофту исчислить возможные комбинации признаков, описывающие типы предикатов — аспектуальных контуров — с достаточной полнотой. Л. А. Янда признает типологию неполной и считает задачей своей работы ее дополнение на основе семантики русских глаголов. Янда — автор концепции «аспектуальных гнезд» (кластеров), объединяющих глаголы на основе правил образования разных видов перфектива от имперфектива [Janda 2007]. Неявная опора на ранее разработанные «аспектуальные гнезда» позволяет автору ввести добавочные аспектуальные контуры, характеризующие особенности протекания действия во времени, направленность и позитивную / негативную результативность, когда в результате действия ситуация возвращается в исходное состояние (например, *сглотнуть*). Особое внимание автор уделяет характеристике неоднозначных случаев, возникающих чаще всего с глаголами совершенного вида (*угворить* может относиться как к достижениям, так и к скачкообразным достижениям, предполагающим несколько попыток совершения действия). При всей ценности предпринятой попытки типологии русских глаголов на основе крофтовского подхода, Янда упускает возможность обсудить иной поствендлеровский вариант семантической классификации глаголов русского языка с учетом видовых противопоставлений и тем самым невольно повторяет ранее полученные результаты. Один из вариантов расширенной вендлеровской классификации приводится в статье Е. В. Падучевой [1994]. Обсуждая таксономические категории глагола, Падучева считает их основанием для видового противопоставления в русском языке; иначе говоря, наличие видовой пары у глагола совершенного вида в целом можно предсказать на основе его принадлежности к определенной категории. Глаголы совершенного вида достаточно легко укладываются в вендлеровские категории, а для описания производных глаголов несовершенного вида необходимы производные категории. Таксономическая категория в рамках этого подхода объединяет не класс глаголов, но класс ситуаций. Подчеркнем, что тезис о соотношении семантических классов не с глагольными лексемами, а собственно с ситуацией или событием объединяет классификацию Падучевой с появившейся позже типологией Крофта. Падучева выделяет восемь классов ситуаций, добавляя к вендлеровским параметрам контролируемость / неконтролируемость действия и противопоставление временных / вневременных состояний. Производные глаголы видовой пары или видового кластера (а это, как правило, глаголы несовершенного вида) описываются производными таксономическими категориями. Насколько мы можем судить, в статье Е. В. Падучевой обсуждаются некоторые из дополнительных параметров глагольной семантики, необходимость которых обосновывает Л. А. Янда: временные ограничения и контролируемость / неконтролируемость действия, соотносимую с направленностью. Такое совпадение результатов исследований, проведенных различными методами, можно считать доказательством объективной значимости семантических множителей «направленность», «контролируемость» действия, «временной / вневременной характер» состояния для описания значения русских глагольных лексем.

О глагольной семантике упоминается в статье А. Д. Кошелева «О референциальном подходе к лексической полисемии». Автор рассматривает так называемую сенсорную лексику в перцептивном аспекте: как воспринимается соответствующий объект, как фиксируется его образ в памяти, какие из перцептивных характеристик предопределяют ограничения в использовании номинации объекта? Автор предполагает, что использование глаголов, обозначающих доступные зрительному восприятию действия, ограничено наблюдаемыми характеристиками этих действий, и предпринимает попытку доказать предположение на примере семантики глагола *бежать*. Новый взгляд на проблему глагольной многозначности сосредоточен прежде всего на прототипической составляющей лексического значения, то есть на воспринятом и сохраненном образе, закрепленном в памяти благодаря наложению однотипных ситуаций, встреченных в повседневном опыте индивида, друг на друга. Заметим, что обращение к термину «прототип» не кажется нам удачным, поскольку вызывает ассоциацию с прототипом как представителем категории [Rosch 1975]. В сущности, речь идет об усредненных итогах «чувственных групп» и «чувственных рядов» по И. М. Сеченову [1958]. В когнитивной науке XXI в. «чувственные группы» и «чувственные ряды» соответствуют нейронному субстрату языкового значения (точнее, денотативного компонента языкового значения). Понимание речевого высказывания происходит в случае воспроизведения выраженного словами содержания в виде представления, воспроизведения референтной ситуации посредством сенсорного и моторного кодов [Speer et al. 2009]. Автор статьи ставит своей целью выявление «чувственной группы» в составе лексической семантики глагола и описание тех ограничений, которые прототипическая для языковой семантики «чувственная группа» накладывает на использование глагольной лексемы по отношению к различным участникам ситуации (события). Полагаем, что речь идет о перцептивно выпуклых признаках референта, которые по тем или иным причинам оказались важными в определенных ситуациях, не являясь существенными по отношению к самому объекту или частотными в опыте. Наряду с прототипической составляющей семантики, перцептивной по своей природе, автор выделяет каузальную составляющую, соотносимую с функциональным представлением о референте, его ролью в повседневной жизнедеятельности человека.

На наш взгляд, предлагаемый подход дает возможность использовать современные нейролингвистические и нейропсихологические данные при характеристике языковой семантики. Меж тем описание значения лексемы не может быть сведено к прототипической и каузальной составляющей даже для относительно простых глаголов, обозначающих зрительно воспринимаемые действия и состояния. Однако стоит признать, что установление соответствий между данными смежных наук представляет собой отдельную исследовательскую задачу, не сводимую к описанию единичных примеров. Насколько нам известно, пока не преодолено противоречие между результатами лингвистического компонентного анализа, дистрибутивного анализа, с одной стороны, и «наивным» представлением семантики языковой единицы, с другой. Собственно, выделяемые лингвистами семы (семантические признаки, семантические множители) не имеют, насколько мы можем судить, непосредственных нейрофизиологических коррелятов — в противном случае не требовалось бы использовать трудоемкие процедуры для обнаружения сем в значении лексемы. Полученные в экспериментах на лексический выбор и прайминг данные о значимости семантической близости для распознавания слов наивными носителями языка доказывают способность определять семантическое сходство, но не выделять ответственный за сходство семантический признак. Иначе говоря, представления о семантических признаках являют собой не декларативные знания, хранимые как единицы семантической памяти, а процедурные знания, то есть умение диагностировать сходство.

Различия в повседневном опыте, несовпадение выпуклых перцептивных признаков в разных культурах и социумах приводят к появлению семантических особенностей даже у самых простых по значению сенсорных глаголов. Невозможность создания универсального естественного семантического метаязыка для типологического описания семантики

предопределена различием в акцентировке компонентов перцептивного образа, что может приводить к значительным отличиям перцептивно выпуклых признаков в разных культурах и языках.

Хотелось бы специально подчеркнуть, что за различиями в языковой семантике мы не склонны усматривать непреодолимого несовпадения ментальности. Любой представитель человечества в состоянии овладеть любым из языков и готов по мере необходимости решать любые интеллектуальные задачи, не зависимо от родного языка. С этой точки зрения мы склонны усматривать некоторую полемическую заостренность в выводе Л. Бородицки о том, что «люди, говорящие о времени по-разному, думают о нем тоже по-разному; языки не только отражают структуру наших неязыковых ментальных репрезентаций, но и накладывают фундаментальный отпечаток на эти репрезентации, проявляющийся даже в выполнении низкоуровневых перцептивно-моторных задач» (с. 206). Скажем, склонность представителей австралийской общины Пормперо выстраивать временную последовательность картинок в соответствии с ориентацией пространства по сторонам света, то есть с востока на запад, отражает приверженность системе координат для определения направления времени — от восхода до заката, — а не сбой в распознавании последовательности событий. Выполнение низкоуровневых перцептивно-моторных задач совсем не обязательно обусловлено переносом пространственной языковой метафоры на понимание хода времени: скорее всего, в тех случаях, где пространственная метафора перестает работать, представители общины в состоянии отразировать ее нерелевантность и установить временную последовательность действий и длительность промежутка времени, необходимого для выполнения определенных операций. В противном случае община не смогла бы выжить и удовлетворять насущные потребности.

В рецензируемом сборнике опубликована статья об асимметрии употребления одних и тех же языковых средств для описания пространства и времени. Т. Нессет и А. Макарова показывают, что одни и те же грамматические средства, используемые для передачи пространственных и временных значений, значительно различаются синтагматикой: русский предлог *в* используется с большими ограничениями во временных конструкциях, нежели в пространственных. Таким образом, не оспаривая значимости пространственных представлений для понимания и обозначения времени, авторы доказывают наличие существенных различий даже в грамматических способах выражения пространственной и временной семантики. Составители сборника «Язык и мысль» дают русскоязычному читателю возможность познакомиться с неоднозначностью результатов исследований близкой проблематики в рамках когнитивной лингвистики.

В завершение рецензии обратимся к некоторым теоретическим вопросам когнитивной лингвистики и ее предистории.

Связь когнитивной лингвистики с предшествующими ей лингвистическими теориями освещается в статье В. М. Алпатова. Автор отмечает важность для изучения функционирования языка в аспекте его роли в освоении, обработке, хранении и передаче знания наследия таких ученых, как К. Фосслер, В. Н. Волошинов, К. Бюлер и ряда других. Алпатов акцентирует внимание на той линии развития языкознания, что была противопоставлена сосюррианскому структурализму и противилась «дегуманизации» (В. И. Абаев) лингвистики и нивелированию интереса к речи и живым актам общения как социального взаимодействия. Наука (или протонаука) о языке зарождалась в ответ на жизненно важные запросы социального взаимодействия, такие как:

- i. необходимость стандартизации записей, перевода торговых и военных договоренностей, как в Древнем Египте и Месопотамии;
- ii. требование создания, интерпретации и толкования сакральных текстов, как в Древней Индии и средневековой арабской культуре;
- iii. определение законов мышления, границ познания и свободы человека, как в Древней Греции.

Впрочем, последнее имеет опосредованное отношение к практической жизни. Как раз древнегреческая традиция обсуждения проблем соотношения слова, звука и смысла в контексте философии, разработка основ грамматики и формулирование основ риторики Аристотелем положили начало теоретическому языкознанию. В таком случае уже истоки науки о языке антагонистичны: наиболее разработанная лингвистическая теория создавалась в Древней Греции не в такой тесной связи с практикой, какую можно обнаружить на Древнем Востоке. Замечательная грамматика Панини, сопрягавшая оба подхода и передававшаяся в Древней Индии из поколения в поколение, не оказала заметного влияния на становление знаний о языке. Расхождение между теоретически и прагматически ориентированными теориями не преодолено до сих пор. В заметках о когнитивности В. Б. Касевича представлена возможность осознания и преодоления этого расхождения на основе определения соотношения понятий «информация», «знание», «познание» и соответствующих терминов. Касевич описывает природу языкового значения, позволяющего передавать знание в акте коммуникации, как разность (дельту) между составом знаний адресата *до* и *после* высказывания адресанта. Таким образом, языковое значение, являясь ключевым понятием теоретического языкознания, выступает как способ передачи информации и трансформации базы знаний коммуникантов, то есть когнитивной сферы участников социального взаимодействия. Прагматическая ценность высказывания, существенная для «практически ориентированного языкознания», обусловлена не только собственно языковым значением, но и дополнительными параметрами акта общения, включая готовность адресата воспринять передаваемое знание и интенцию адресанта передать его.

В силу совпадения инструмента описания результатов исследования и объекта изучения лингвистики необходимость прозрачного толкования терминов и их соотношения в рамках различных направлений и школ обретает первостепенную важность для языкознания. Обсуждению размытости границ и противоречивости подходов к анализу языковых явлений в современном языкознании, с одной стороны, и множественности привлекаемых для интерпретации взаимодействия языка и мышления психологических теорий, зачастую никак не соотносящихся друг с другом даже на уровне терминологии, с другой стороны, посвящена статья А. Д. Кошелева «На пороге эволюционно-синтетической теории языка». Автор явно или неявно опирается на двухуровневую концепцию понимания высказывания, предполагающую возможность непосредственного перехода от слова к образной модели ситуации в сенсорном и моторном коде [Nickok, Rorppel 2007]. Эта точка зрения отчасти согласуется с коннекционистскими моделями освоения, хранения и использования языка, в частности, с моделью двойного потока обработки речи и языковых знаний, исходящей из необходимости двух нейронных сетей: первая соединяет сенсорную / фонологическую сеть с концептуальной системой, вторая соединяет сенсорную / фонологическую сеть с моторно-артикуляционной системой [Ibid.]. Но в таком случае речь идет уже не о логическом мышлении, к которому обычно апеллирует языкознание в поисках решения проблемы взаимосвязи языка и мышления, но о мышлении наглядно-образном и наглядно-действенном, оперирующим образами и кинемами.

Казалось бы, после описания многих языков мира, появления словарей, разработки экспериментальных и формальных методов, позволяющих объективировать и верифицировать суждения и теоретические постулаты лингвистов, а также создания языковых корпусов, систематизирующих поистине безграничные данные, можно преодолеть противоречия в терминологии и лингвистической интерпретации языкового материала за счет сохранения в обиходе положений, подтвержденных практическим анализом, и предания забвению всего остального. Однако стремление к такому теоретическому монолизму противоречит сложному системному и динамическому построению языка, для которого характерны и самоорганизация, и зависимость от социального и биологического контекста. Языковые факты оставляют возможность неоднозначных объяснений, а для любой из непротиворечиво сформулированных языковых гипотез можно найти примеры и контрпримеры. Возможно, стоит принять как должное, что в современном языкознании подчас могут быть взяты

за аксиому едва ли не диаметрально противоположные утверждения (об унилатеральности/билатеральности языкового знака; о не-/зависимости мышления от национального языка; о четкости/размытости границ между лексиконом и грамматикой и т. п.).

Отличия в становлении лингвистики от развития других — прежде всего, естественных — наук отнюдь не свидетельствуют о слабости современного языкознания. О новом этапе формирования науки о языке говорит батарея разработанных методов анализа языкового материала, которые отвечают самым строгим критериям надежности, достоверности и воспроизводимости полученных результатов. Корпусы текстов, появившиеся за последние 30 лет, систематизируют языковой материал и дают возможность верифицировать различные предположения. Наконец, создание языковых атласов и словарей известных языков, исследование вновь открытых и ранее не описанных языков расширяют представления о приемах вербальной коммуникации и отражении ментальности в национальном языке.

На наш взгляд, сборник «Язык и мысль» помогает читателю осознать наиболее важные аспекты взаимодействия языка с различными модусами и типами мышления и получить представление о разнообразии методов, используемых когнитивной наукой для исследования речевого поведения и языковой способности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахутина 1989 — Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1989. [Akhtutina T. V. *Porozhdenie rechi. Neirolingvisticheskii analiz sintaksisa* [Speech production. Neurolinguistic analysis of syntax]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1989.]
- Лурия 1947 — Лурия А. Р. Травматическая афазия. М.: Изд-во Академии медицинских наук СССР, 1947. [Luriya A. R. *Travmaticheskaya afaziya* [Traumatic aphasia]. Moscow: Academy of Medical Sciences of the USSR Publ., 1947.]
- Падучева 1994 — Падучева Е. В. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика. 1994. № 34. С. 7—31. [Paducheva E. V. Taxonomic categories of verb and the semantics of aspectual opposition. *Semiotika i informatika*. 1994. No. 34. Pp. 7—31.]
- Рахилина, Плунгян 2007 — Рахилина Е. В., Плунгян В. А. О лексико-семантической типологии // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Издательство «Индрик», 2007. С. 10—26. [Rakhilina E. V., Plungian V. A. On lexico-semantic typology. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007. Pp. 10—26.]
- Русакова 2013 — Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2013. [Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka* [Elements of the anthropocentric Russian grammar]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2013.]
- Русакова, Сай 2008 — Русакова М. В., Сай С. С. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 9. Вып. 2. Ч. II. С. 205—214. [Rusakova M. V., Sai S. S. Verbal paradigm in individual systems of Russian native speakers and the problem of grammatical aspect. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2008. Ser. 9. No. 2. Part II. Pp. 205—214.]
- Сеченов 1958 — Сеченов И. М. Элементы мысли // Сеченов И. М. Избранные произведения. М.: Госучпедгиз, 1958. С. 274—412. [Sechenov I. M. The elements of thought. *Izbrannye proizvedeniya*. Sechenov I. M. Moscow: Gosuchpedgiz, 1958. Pp. 274—412.]
- Томаселло 2011 — Томаселло М. Истоки человеческого общения. Пер. с англ. Фаликман М. В., Печенковой Е. В., Синицыной М. В., Кибрик Анны А., Карпухиной А. И. М.: Языки славянских культур, 2011. [Tomasello M. *Istoki chelovecheskogo obshcheniya* [Origins of human communication]. Translated from English by Falikman M. V., Pechenkova E. V., Sinitsyna M. V., Kibrik Anna A., Karpukhina A. I. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Щерба 1947 — Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Л.: Госиздат, 1947. [Shcherba L. V. *Prepodavanie inostrannykh yazykov v srednei shkole* [Foreign language teaching in secondary school]. Leningrad: Gosizdat, 1947.]
- Aslin, Newport 2012 — Aslin R. N., Newport E. L. Statistical learning: From learning items to generalizing rules. *Current Directions in Psychological Science*. 2012. Vol. 21. Pp. 170—176.

- Bates et al. 1988 — Bates E., Bretherton I., Snyder L. *From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Bowerman 2004 — Bowerman M. (coordinator). *Event representation. Max Planck Institute for Psycholinguistics: Annual Report 2004*. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2004. Pp. 87—104.
- Chernigovskaya, Gor 2000 — Chernigovskaya T., Gor K. The complexity of paradigm and input frequencies in native and second language verbal processing: Evidence from Russian. *Language and Language Behavior*. Wande E., Chernigovskaya T. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Press, 2000. Pp. 20—37.
- Croft 2012 — Croft W. *Causal structure in verbal semantics and argument realization*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Hickok, Poeppel 2007 — Hickok G., Poeppel D. The cortical organization of speech processing. *Nature Reviews Neuroscience*. 2007. Vol. 8. Pp. 393—402.
- Janda 2007 — Janda L. A. Aspectual clusters of Russian verbs. *Studies in Language*. 2007. Vol. XXXI. No. 3. Pp. 607—648.
- MacWhinney, Plunkett 2000 — MacWhinney B., Plunkett K. Lexicalist Connectionism. *Models of language acquisition: Inductive and deductive approaches*. Broeder P., Murre J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. Pp. 9—32.
- Rosch 1975 — Rosch E. H. Cognitive representation of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology*. 1975. Vol. 104. No. 3. Pp. 192—233.
- Slioussar, Chuprina 2015 — Slioussar N., Chuprina A. Grouping morphologically complex words in the mental lexicon: Evidence from Russian verbs and nouns. *CEUR Workshop Proceedings*. 2015. Vol. 1347. P. 136—139.
- Speer et al. 2009 — Speer N. K., Reynolds J. R., Swallow K. M., Zacks J. M. Reading stories activates neural representations of visual and motor experiences. *Psychological Science*. 2009. Vol. 20. No. 8. Pp. 989—999.

П. М. Аркадьев. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015. 352 с. (Studia philologica). [P. M. Arkadiev. *Areal'naya tipologiya prefiksial'nogo perfektiva (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza)* [Areal typology of the prefixal perfective aspect (a case study in European and Caucasian languages)]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. 352 p. (Studia philologica)]. ISBN 978-5-94457-220-2.

Тимур Анатольевич Майсак

Институт языкознания РАН, 125009, Российская Федерация
maisak@iling-ran.ru

Timur A. Maisak

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation
maisak@iling-ran.ru

Вышедшая в прошлом году книга московского типолога и балтиста, сотрудника Института славяноведения РАН П. М. Аркадьева примечательна в целом ряде отношений. При том, что явление префиксальной перфективации — то есть использования глагольных префиксов для выражения значения перфективности — имеет давнюю традицию изучения в аспектологии, особенно на материале славянских языков, обобщающих работ по типологии этого явления на более обширной языковой выборке до сего времени не было. Содержание книги, однако, отнюдь не ограничивается типологически-ориентированным обзором конкретно-языкового материала, известного из более ранних работ. Во-первых, системы префиксальной перфективации в языках двух ареалов — Европы и Кавказа — подробно рассмотрены в книге с точки зрения выделенного автором набора ключевых морфосинтаксических и функционально-семантических признаков. Во-вторых, важное место уделено собственно ареальному распределению значений этих параметров, для более строгого анализа которого используются различные методики, в том числе и количественные. В-третьих, префиксальная перфективация рассмотрена в диахронической и контактной перспективе.